

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Научная статья
УДК 330.34:519.1(571.6)
<https://elibrary.ru/HJOMBZ>

Активизация экономики на российском Дальнем Востоке: институциональная комбинаторика

Олег Маркович Рензин

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
renzin@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7023-7279>

Аннотация. В статье рассматривается набор методических и экспертных предложений, использованных в регуляторной практике развития Дальнего Востока России в рамках различных теоретических и прикладных управленческих конструкций. В постсоциалистический период это были комбинированные вариации, ориентированные на инструменты моделей диффузии и центральных мест, а также гравитационной и технологической моделей. Однако, несмотря на большое количество разрабатываемых исследовательских идей, перенесение их интерпретаций в региональную политику не приводило к значительной активизации прогнозируемых для каждой из моделей содержательных сдвигов в экономике. Оцениваются институциональные причины слабой чувствительности экономики дальневосточного региона к запланированным позитивным трансформациям. Прогнозируется возможность модификации традиционной для российской пространственной науки комбинаторной модели. Формулируется потенциальная направленность усиления специализированных институциональных форматов в качестве механизма повышения эффективности проектов и снижения регуляторных рисков.

Ключевые слова: Дальний Восток, региональная экономика, экономические трансформации, пространственные реформы институциональные преобразования, формирование институциональных рисков

Для цитирования: Рензин, О. М. Активизация экономики на российском Дальнем Востоке: институциональная комбинаторика // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 4 (113). С. 46–58. EDN: HJOMBZ

Original article

Activation of the Economy in the Russian Far East: Institutional Combinatorics

Oleg M. Renzin

The Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia
renzin@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7023-7279>

Abstract. *The article considers a set of methodological and expert proposals used in the regulatory practice of the Russian Far East development within various theoretical and practical frameworks. During the post-socialist period these were combined variations focused on the tools of diffusion and central place models, as well as gravitational and technological models. However, despite a large number of developed theoretical ideas, transferring their interpretations into regional policy did not lead to a significant activation of the substantial shifts in the economy predicted for each model. The article analyzes the institutional reasons for the low sensitivity of the Far Eastern region's economy to the planned positive transformations. The possibility of using a modified approach to the traditional combinatorial model in Russian spatial science is considered. The author formulates the potential direction of strengthening specialized institutional formats as a mechanism for improving project efficiency and reducing regulatory risks.*

Keywords: *the Far East, regional economy, economic transformations, spatial reforms, institutional changes, formation of institutional risks*

For citation: Renzin, O. M. (2025) Activation of the Economy in the Russian Far East: Institutional Combinatorics. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4 (113), pp. 46–58. EDN: HJOMBZ

Введение

Масштабное и крайне неоднородное экономическое пространство России в течение всего процесса целенаправленного развития ставит перед проводимой региональной политикой сложные задачи, не находящие быстрого и эффективного методического и практического решения. Для ответа на них экономическая практика формирует сложную картину переплетения территориальной политики федерального центра, инициатив региональных властей и проектов бизнес-сообщества. Нелинейную результативность этого процесса убедительно иллюстрирует проводимая в течение трех с половиной десятилетий практическая организация экономического функционирования российского Дальнего Востока.

С одной стороны, сильный патронат

государственного участия обеспечивал здесь позитивную направленность тенденций территориального развития. Именно такую оценку дал этому процессу премьер-министр РФ М. В. Мишустин 10 декабря 2025 г. при обсуждении новой Стратегии социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Он сказал: «За время реализации действующей стратегии удалось выполнить многие важные для округа задачи, главная из которых – обеспечить опережающие темпы роста по ключевым направлениям экономики и социальной сферы, превышающие среднероссийские значения или соответствующие им... Системные меры позволили сформировать задел, который помог вывести все процессы на более качественный уровень».¹

¹ Михаил Мишустин провёл стратегическую сессию о социально-экономическом развитии Дальнего Востока // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/news/57236>

Но, с другой стороны, одновременно и властные структуры, и экспертное сообщество признают недостаточность региональной мобильности в достижении поставленных перед регионом стратегических и тактических целей. Такая позиция, фиксирующая качественную двойственность региональных процессов, поддерживается и правительственными, и научными аналитиками.

Правительством РФ сформирована императивная задача «продолжать преобразование Дальнего Востока в конкурентоспособный, комфортный для жизни макрорегион с высокотехнологичной экономикой, современной развитой инфраструктурой»¹. По заключениям руководителей отдельных федеральных министерств и направлений, представленных на Стратегической сессии Правительства, в перспективе необходимы значительные программные изменения в структуре дальневосточной экономики на основе уже созданной ресурсно-индустриальной базы и действующей системы преференциальных режимов. Они включают развитие инновационных отраслей, энергетическое и транспортное обеспечение, дальнейшее социальное обустройство.

Содержательные ответы о перспективных направлениях регионального развития Дальнего Востока дают многие научные исследования. Так, руководители одной из наиболее авторитетных в сфере региональной экономики академических структур – Института экономики и организации промышленного производства РАН – академик В. А. Крюков и профессор Е. А. Коломак, оценивая период активизации проекта «Дальний Восток», пишут: «Приоритет востока отразился лишь в лидирующих позициях ДФО по росту инвестиций в основной капитал, что стало результатом активных государственных вложений. Но это не нашло отражения в соответствующих темпах роста экономики: рост валового регионального продукта был ниже среднероссийского, а рост промышленного производства был незначительно выше среднего по стране» [Крюков, Коломак, 2025. С. 32].

К близким по содержанию выводам пришли эксперты Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, ука-

завшие на консервативность в процессах территориального изменения в период 2010–2023 гг., когда при невысоких темпах роста, составлявших в среднем около 2%, региональные пропорции определялись преимущественно долгосрочными трендами, усиливавшими межрегиональное неравенство [Россия 2035..., 2025].

В региональных исследованиях Института экономических исследований ДВО РАН было обращено особое внимание на институциональную составляющую развития Дальнего Востока, связанную с территориальной трансформацией, организационными и регулятивными задачами её сопровождающими. В частности, оценивалась двойственность происходящих региональных процессов, осуществление пространственных изменений при формировании новой институциональной ситуации [Рензин, 2024].

Возникает вопрос, почему при особых режимах поддержки региональных процессов, обилии применяемых стратегических и практических стимулов не наблюдается кардинальных сдвигов в ключевых индикаторах развития Дальнего Востока: ускорения темпов роста, опережающего экономического и социального развития, форвардного повышения качества жизни.

Одним из таких профессионально обсуждаемых факторов является формирование и использование специальных управленческих решений, обеспечивающих более тонкое регулирование региональных экономических процессов. Это, прежде всего, используемый набор теоретических конструкций, описывающих процесс территориального развития.

О теории

Теоретический набор возможных вариантов организации регионального развития для Дальнего Востока, стимулирования институционального поведения потенциальных участников этого процесса был чрезвычайно многогранен. Он концептуально формировался в рамках политических, экономических, географических, юридических, этнических и других концепций.

Мировая и отечественная научная система предложила для практического использования большую палитру потенци-

альных решений. В их числе были идеологические блоки, определившие большие направления регуляторной архитектуры.

Значительное место в теории организации пространства занимают концептуальные вопросы пространственного разделения труда. Понимание территориального отражения процессов сокращения производственных и транзакционных издержек широко используется в мировой экономической науке и глобальной практике развития. При этом в рамках реализации стратегий по максимизации результативности хозяйственных проектов происходит устремление экономических агентов к размещению вблизи концентрированных рынков, использование агломерационных эффектов, локальной специализации в видах экономической деятельности. В результате возникает широкий потенциал для пространственных решений, способных создать эффекты территориально структурированной экономики [Минакир, 2019. С. 967–980].

Важное место в современной практике регионального развития заняли методические выкладки, связанные с формированием и поддержанием «институциональных оазисов» (концепции центральных мест, центр-периферийного развития, полюсов роста и т. д.). Этот комплекс идей о позитивной роли имеющейся, или искусственно созданной, неравномерности развития широко реализуется управленческой практикой как фактор обеспечивающий сокращение издержек и повышение доходности участников.²

Этот процесс развития включает механизмы первоначальной аккумуляции ресурсов, их эффективного использования, а затем трансляции полученных результатов в экономическую систему. Тезис о конституированной неоднородности экономического пространства и закономерной неравномерности его развития является общим положением современных теорий регионального развития [Мельникова, 2024].

Большой спектр концептуальных работ ориентирован на стимулирование процессов пространственного взаимодействия. Именно коммуникационные

проблемы рассматриваются в них как существенные позитивные факторы (или ограничения) для процессов территориального развития и роста. В материализованном виде их реализация связана с развитием инфраструктуры, которая является бесспорным ключевым элементом пространственного развития, аккумулирует кооперационные и внешнеэкономические взаимосвязи. В макроэкономической интерпретации она служит базовой системой, обеспечивающей потокообразование для ресурсной базы, комбинирование различных структур экономической системы, высокие параметры эффективности производства. Одновременно она имеет и институциональное содержание: формирование механизмов, обеспечивающих генерирование и использование потенциальных ресурсов.

Одной из важных современных версий этой теоретической модели является осуществление технологической межрегиональной взаимосвязи. В ней предусматривается передача импульса инновационного развития от регионов с высоким научно-технологическим уровнем к развивающимся территориям. При этом эффективная трансляция в сфере как технологических, так и нетехнологических модернизаций возможна при эффективном выстраивании пространственных систем, в которых сосредоточен, с одной стороны, научно-технологический потенциал (включая высокотехнологичные и наукоемкие производства), с другой стороны, готовые к использованию новаций регионы-реципиенты и, с третьей стороны, эффективная энергетическая, транспортная и цифровая инфраструктура [Исаев, 2022. С. 131–142].

Из сопредельных теоретических моделей территориального развития привлекает большое внимание концепция «экономической конституции», являющаяся одной из формализованных схем рационального распределения институциональных обязательств и полномочий в пространственной системе. Именно эта сфера организации управления становится одной из проблемных в современном развитии, нахождение решений

² В России она активно реализуется в программах федеральной поддержки особых экономических зон, территорий опережающего развития, наукоградов и технопарков.

в которой являются необходимым условием организации экономического пространства. Она создает эффективные предпосылки для наиболее точной организации дифференцированного регулирования национального и локальных рынков, соотношения решений институциональных задач в согласовании с правовыми, политическими и социальными [Рабо, 2008. С. 25–46].

Отметим, что освоение накопленного в мировой науке опыта в региональном управлении было и в Советском Союзе, и в постсоветской России фундаментальным. Оно было поддержано созданием развернутой информационной базы, которая, безусловно, была активно использована в практике пространственной организации и территориального управления.³

Одновременно, подчеркну, это был не односторонний процесс интеллектуального сотрудничества. Профессиональное взаимообогащение носило партнерский характер. Отечественные специалисты в пространственных исследованиях работали в самой большой по территориальным характеристикам стране мира и имели большой практический опыт. Кроме того, в этой области сложилась фундаментальная академическая школа, которая внесла общепризнанный мощный вклад в мировую науку об организации пространства. Советские, а позже и российские ученые, как писали в книге о мировых региональных исследованиях американские специалисты, высоко ценились в профессиональной среде: «В Советском Союзе... изыскивают новые математические и статистические методы *неоценимой важности* (курсив мой – О.Р.) для экономического планирования» [Джеймс, Мартин, 1988. С. 590].

На этой основе в России произошло формирование оригинальной школы, оказавшей большое влияние на простран-

ственные процессы, и получающей, по нашему мнению, новые стимулы для реального практического использования.

В своей первичной форме она определила характер региональных процессов как некоторый набор происходящих комбинаций имеющихся ресурсов и инфраструктуры и некоторых правил, по которым это комбинирование осуществляется. Как определял эту системную процедуру один из ведущих авторов этой концепции Н. Н. Колосовский, «Идее комбинирования должен быть придан универсальный характер... Районная теория трактует не только о вертикальном и горизонтальном комбинировании, но говорит о пространственном сочетании производительных сил» [Колосовский, 1958. С. 41].

Это была научно-практическая версия институциональной комбинаторики – течения, сформулированного и реализованного в советской и российской пространственной науке. В рамках этой теоретической модели были осуществлены большие теоретические и методические разработки, которые определили одну из традиционных для СССР научных практик регионального процесса. Специалисты выделяют значительные достижения в этой сфере таких организаций как Совет по развитию производительных сил при Госплане СССР, МГУ им. Ломоносова, новосибирская ИЭиОПП АН СССР [Миначир, Демьяненко, 2014. С. 184–190].

Эффективность этой разработки подтвердила научная история. Эта теоретическая модель стала генеральной составляющей при формировании новой эффективной платформы территориального развития в 1990-е гг. «Исключительное региональное многообразие не позволяет России копировать какую-либо одну из апробированных в мировой практике моделей переходной экономики и государственного устройства. Россия вынуждена создавать *новый синтез* мирового

³ В стране в 1970–1980-х гг. издавалось большое количество работ, посвященных зарубежному опыту управления региональными процессами. Назовем наиболее заметные из них: *Региональные проблемы развитых капиталистических стран: возможности практического использования зарубежного опыта*, М. Институт географии АН СССР 1987. 204 с.; Моргачев В. Н. *Формы и методы территориального управления в США и Канаде*. М.: Наука. 1987. 144 с.; Алаев Э. Б. *Региональное планирование в развивающихся странах*. М. Наука 1973. 216 с.; Карпов Л. Н. *Новые районы в экономике развитых капиталистических стран*. М.: Мысль 1972. 304 с.; *Региональные исследования за рубежом*. М. Наука. 1972. 304 с.

опыта на основе тщательной селекции» [Путь в XXI век..., 1999. С. 574]. Для моделирования постсоциалистической пространственной экономической политики в Академии наук России была фактически использована традиционная формула Н. Н. Колосовского: «Мы выдвигаем и защищаем иную парадигму: экономика России не монообъект, а многорегиональный организм, функционирующий на основе вертикальных (центр – регионы) и горизонтальных взаимодействий» [Путь в XXI век..., 1999. С. 568].

В дальнейшем в российской пространственной науке на этой основе были подготовлены фундаментальные классические работы академиков А. Г. Гранберга, П. А. Минакира, П. Я. Бакланова. В них сформированный ранее подход к рассмотрению институциональных сочетаний стал определяющим. Как писал П. Я. Бакланов, «важным является механизм подбора и функционирования таких разноуровневых сочетаний» [Бакланов, 2007. С. 211]. Определение состава и способа функционирования таких механизмов стало одной из конструктивных идей при организации перехода от теоретических моделей к практическому использованию комбинаторных архитектур в экономической регуляторике.

О методике

Одной из важных методологических форм, реализации которой в течение длительного времени уделяется большое внимание, является конструирование различных вариантов перспективных планов, получавших названия «концепция», «программа», «модель» или «стратегия». Именно этот формат стал ведущим в подготовке проектов регионального развития. Такая технология имела значительное распространение в мировой практике, многие теоретические конструкции организации пространства приняли хрестоматийный вид.

Большое влияние на это оказало принятие в 2015 г. закона о стратегическом планировании. В определенной мере это можно было рассматривать как продвижение деликатного варианта централизованного планирования, т. е. частичное восстановление тех структур, которые исторически имеют проверенный потен-

циал регуляторного воздействия на экономические процессы.

Стратегические документы стали сопровождать реальные пространственные процессы с большим или меньшим соответствием поставленным целям, которые могут иметь экономическое или политическое, или технологическое содержание, но одновременно создают адекватную институциональную оболочку реализуемым процессам.

Вокруг этих «рамочных» описаний формируется значительная часть теоретических, методических и, в какой-то части, идеологических дискуссий. Они иногда имеют целеполагающий характер, но в ряде случаев принимают иной формат. Он предполагает предписание им перехода из теоретико-рекомендательного состояния в нормативное, т. е. превращение в институциональную форму. Именно такая потенциальная возможность в реализации придает регуляторным инициативам некоторый флёр макроэкономической «судьбоносности», создает большие группы последователей (или противников) той или иной конструкции, вызывает необходимость принятия альтернативных управленческих решений. Сложился некоторый культ «позитивного стратегирования», пронизывающего всю экономическую деятельность, имеющего абсолютный характер распространения на территориальные образования, обеспечивающего устойчивый и бесспорный характер решения всех экономических задач.

Исторически этот процесс в России продемонстрировал многие варианты его реализации, в т. ч. отдельные великие идеологические конструкторы для пространственной экономики.

Принципиальное изменение институциональных основ развития – не слишком часто наблюдаемый процесс. Из наиболее заметных для современного Дальнего Востока, прежде всего, трансстрановой – от Советского Союза к постсоциалистической России. Это был хрестоматийный институциональный перелом, который точно прокомментировала Р. Рывкина, «социализм просуществовал в СССР три четверти века и сформировал не только определенный вид государства и эконо-

мики, но и особые социальные группы и отношения между ними, традиции, привычки, культуру» [Рывкина, 1997. С. 71]. Формирование нового институционального наполнения экономической деятельности требовало и времени, и ресурсов, и соответствующей инфраструктуры.

В числе влиятельных институциональных споров была дискуссия о том, как формировать региональное развитие в рамках «большой экономической системы» и о предпочтительных формах позиционирования регионов в рыночном варианте организации хозяйства в 1990–2000 гг. [Федерализм..., 1995]; или (несколько позже) как обеспечить непротиворечивое рыночное управление в территориальном разрезе в «Стратегии–2020» 2013–2015 гг. [Стратегия 2020, 2013. С. 307–330]

В начале 1990-х годов в качестве важной локальной задачи рассматривались варианты включения регионов в макроэкономическую систему, построенную на рыночных принципах. Институциональная задача национального уровня предполагала несколько стратегических вариантов: мягкое реформирование, шоковую терапию, двухколейную сегментацию и другие теоретические и прикладные форматы. Однако каждый из них предполагал, с одной стороны, разрушение сложившихся императивов развития и, с другой стороны, принудительное формирование на этом месте системной конструкции правил и стандартов экономического поведения.

Макроэкономическая деформация затронула, прежде всего, государственную систему централизованного планирования и управления. Когда правительственный выбор в России определил шоковую терапию как приоритетную стратегию, локальные проекты развития, реализуемые субъектами Федерации, были вынуждены соответствовать этому системному решению, сохраняя одновременно некоторые степени свободы в принятии региональных решений. Институциональный коллапс принял регламентные фор-

мы, в рамках которых были сформированы новые общественно-экономические конструкции.

Второй институциональный перелом для регионального развития имеет отчетливо выраженный сегментный характер. Это история появления и внедрения общенациональной методической конструкции для организации пространственного развития – Национальной Стратегии. Несмотря на колоссальное значение пространственных преобразований в России, здесь длительное время не существовало общей стратегической концепции для этого процесса. Документы, используемые для регулирования в постсоциалистическую эпоху, имели персонафицированный статус, ориентацию либо на отдельные субъекты Федерации, либо на их локальные объединения. Сформированная Стратегия пространственного развития РФ в некотором смысле являлась попыткой систематического применения инструментов государственного регулирования для пространственных процессов. В версии документа, принятой в 2019 году (на период до 2025 г.), для регионов были определены многие задачи, которые включали и сокращение межрегиональных различий, и ускорение темпов экономического развития, и технологическую модернизацию, и национальную безопасность.⁴ Многокритериальность и, соответственно, большая сложность функциональной реализации положений документа стали весомым основанием для его доработки с повышением уровня реализуемости. В 2024 г. Правительством Российской Федерации были определены новые цели и задачи пространственного развития.

На этой основе документально сформировалась обновленная Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Заявленные в ней приоритеты и мероприятия были ориентированы, прежде всего, на поддержку опорных населенных пунктов, что можно рассматривать как негласное признание

⁴ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-п. 116 с. (с. 8). URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXL22JjAe7irNxc.pdf>.

оптимальности сложившейся сетки регионального развития, выделение в ней опорных точек, и дальнейшее плановое осуществление мероприятий по их поддержке и стабилизации.⁵ Для Дальнего Востока как развивающегося района такая консервативная постановка не является стратегически перспективной. В планах его развития постоянно обсуждаются альтернативные идеи о строительстве новых городов, о создании новых инфраструктурных проектов, об определении новых территориальных объектов институциональной поддержки.

С этих позиций, определенным компенсирующим вариантом выглядит реализация специализированной локальной программы развития для особого региона («поворот на Восток», начиная с 2013 г.), включение его (частично формального, частично содержательного) в первомаштабные национальные планы мероприятий, а также резкое изменение статусности – от традиционного регионального программирования Дальнего Востока к «проекту на весь XXI век».

Отметим, что проект развития восточной части страны (в т. ч. российского Дальнего Востока) за счет активной государственной деятельности исторически был включен в территориальную политику и в Российской империи, и в СССР (в отдельные периоды в большей мере, в другие – в меньшей). Однако, на постсоциалистическом треке эти идеи были трансформированы и в стратегическом, и в прикладном вариантах. Считалось, что ось «восток–запад» не столь сильно, как раньше, отвечает новым интересам в организации национального экономического пространства. Предполагалось ослабление зависимости старопромышленных европейских районов страны от сырьевых ресурсов Сибири и Дальнего Востока за счет ресурсов европейского Севера. Дальний Восток рассматривался как «ресурсная база России, основной резерв освоения новых территорий и аванпост в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [Путь в XXI век..., 1999. С. 641].

В 2013 г. этот концептуальный вопрос получил новую интерпретацию. Президент РФ В. В. Путин обозначил развитие Дальнего Востока в качестве «проекта на весь XXI век». Это в значительной мере отражало и внутриэкономическую ситуацию, и трансграничные инициативы. Активизация региональных процессов на Дальнем Востоке отражала весь спектр макроэкономических действий правительства. Однако, на начальном этапе двойственность интересов непосредственных бизнес-игроков и операторов экономических рынков России не реализовалась в значительном усилении восточной политики. С 2022 г. этот процесс стал более очевидным, особенно для тех проектов, которые были подвержены санкционным мероприятиям недружественных России стран и компаний, и после этого стали рассматривать восточную политику как безусловный императив.

Для обеспечения восточного движения экономических агентов властные структуры предприняли значительное число специальных программ развития. При этом ряд авторов дает происходящим изменениям более широкую трактовку, чем вынужденный геополитический или экономический разворот. Так, в статье С. А. Караганова и И. С. Козылова утверждается, что «Восточный поворот 2.0 – не просто продолжение предыдущего этапа с изменением внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации, но комплексная стратегия обновления страны через «сибиризацию» – сдвиг центра духовного, человеческого и экономического развития на Восток» [Караганов, Козылов, 2025]. Приведенная авторами аргументация в пользу такой надрегиональной интерпретации подтверждается реальными действиями правительства.

Действительно, до этого ни один из осуществленных в России региональных проектов не имел такой многогранной и целенаправленной поддержки. По сути дела, для организации пространственного развития Дальнего Востока была поэтапно сформирована специальная про-

⁵ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. URL: <http://government.ru/news/53917> (дата обращения: 09.01.2025).

граммная среда, со своими стимулирующими механизмами и инфраструктурой. Она включала многие составляющие.

Во-первых, организационно-стратегический блок – систему управления регионом, в т. ч. специализированное федеральное министерство, создание разветвленной регулятивной инфраструктуры.

Во-вторых, блок финансового стимулирования – широкий набор налоговых и таможенных льгот для резидентов преференциальных режимов, введение обязательной квоты дальневосточных проектов в национальные программы и т. д.

В-третьих, активное развитие транспортной инфраструктуры, включая стратегические проекты (модернизация и расширение БАМа и Транссиба, активизация освоения Северного морского пути) стали важной составляющей развития региона [Кибалов, Шибикин, 2024.].

В-четвертых, наряду с финансовым и инвестиционным обеспечением важную роль играет институциональное сопровождение проектов, в том числе создание нормативно-правового каркаса развития.

В-пятых, регион стал важным центром, где формируются новые экономические инициативы и вырабатываются решения для улучшения качества жизни населения региона, новый набор локальных социальных программ для населения региона, в т. ч. «дальневосточный гектар» и «дальневосточная ипотека» с сильно сниженной ставкой для региональных заемщиков.

В-шестых, в регионе создан нормативно-правовой каркас, позволивший внедрить новые инструменты экономического развития: принято 87 федеральных законов, 511 актов Правительства России, десять актов Президента Российской Федерации.

В-седьмых, это важный публичный мониторинговый и демонстрационный блок в виде Восточного экономического форума. Организованный указом Президента РФ В. В. Путина в 2015 г. он быстро вошел в круг важнейших «нестоличных» мероприятий России, выполняя и региональные, и национальные, и международные задачи.

В результате проведенных мероприя-

тий и реализации новых проектов в регионе регулярно появляются все новые версии различных программных документов, сигнализируя о формировании (или актуализации) поставленных целей. Их технологический формат и способность к синтетическому отражению всего масштаба целевых функций вызывает необходимость разработки специальных процедур выделения приоритетов и корректировок институциональной связи с реальной экономикой. Понимание консервативности сложившихся институциональных инструментов, их недостаточной проактивности вызывает предложения по изменению сложившейся ситуации, реализации новых практических инициатив. Одной из них является более широкое использование методов институциональной комбинаторики, в рамках которой формулируются и реализуются механизмы, управляющие целенаправленностью и интенсивностью происходящих процессов.

О практике

Проблема технической уязвимости используемых институциональных стратегий и приемов связана, во-первых, с разрешением проблем объективной согласованности принимаемых решений, формированием асимметрии в их комплексной реализации. Это получает соответствующее отражение в неоднородном развитии локальной институциональной системы.

Объективной причиной этого является, во-первых, повышенная скорость технологических и институциональных изменений как в реальных процессах, так и в их информационном сопровождении.

Технологии работы с большими данными, ускоренные процедуры их обработки, цифровизация в целом имеют неравномерный характер, что приводит к значительному расхождению составляющих элементов региональной экономической системы в согласовании/рассогласовании реакций на изменение экономической ситуации.

Во-вторых, это причины субъективного характера. Сжатие экономически освоенного пространства, разбалансировка геополитической системы, флуктуации поведенческой экономики соз-

дают предпосылки для возникновения асимметричностей в региональных процессах, требующих сопровождающих корректировок и подготовки программ этих действий.

В-третьих, это регуляторное изменение макроэкономических конструкций, которое неизбежно вызывает региональные трансформации. Для российской экономики такими общесистемными «драйверами» региональных изменений в обозримой перспективе являются несколько позиций. Во-первых, это План структурных изменений экономики, который охватывает несколько ключевых сфер и распространяется на все существующие инструменты государственного регулирования экономики, включая нацпроекты, госпрограммы и другие меры поддержки, во-вторых, Национальная модель целевых условий ведения бизнеса, рассчитанная до 2030 года, – это программа улучшений на основе национальных целей в приоритетных направлениях.

В настоящее время на Дальнем Востоке происходит очередное «стратегическое ожидание». В результате действия этих факторов российский рынок становится более сложным, но именно сложность рождает самые интересные стратегии синхронизации отраслевых и региональных приоритетов. Там, где замедляется рост, открываются новые тренды и появляются технологии, которые ещё вчера казались экспериментом.

Снижение жесткости методологических установок, тесно связанное с видоизменениями в системной организации национальных, межнациональных и глобальных форм экономической деятельности, вынуждает периодически возвращаться к принципам, методам и алгоритмам превращения действующей конструкции экономического процесса в иные формы, потенциально более совершенные и эффективные.

Для каждой из институциональных групп возникает потенциальная опасность формирования институционального риск-профиля в результате возникающей асимметрии. В региональном развитии инициируется большое количество институциональных рисков. Это определено, с одной стороны, инвести-

ционными, технологическими и финансовыми сложностями в решении плановых задач текущего и перспективного развития. Уровень институционального риска определяется множеством факторов, природа которых разнообразна.

Могут быть различные подходы к идентификации рисков. Агрегировано их появление может описываться следующими агрегированными факторами: «отсутствием полной информации, случайностью, противодействием» [Социально-экономические риски..., 2010. С. 83]. Для организации управления рисками учеными применяется более детализированная классификация. Так, например, Н. Я. Петраков и В. И. Ротарь для моделирования рисков в экономике применяли аналитические конструкции социально-экономической и технико-экономической недетерминированности [Петраков, Ротарь, 1985. С. 13–22].

Один из её фундаментальных источников был определен академиком А. Г. Гранбергом, который показал, что «структура макропоказателей отдельного региона менее устойчива, чем структура макропоказателей национальной экономики... изменение структуры макропоказателей региона является одним из важнейших факторов экономического развития» [Гранберг, 2000. С. 137–138].

Противоречие между межуровневыми формами реализации проектов были рассмотрены в работе В. Н. Лившица и С. В. Лившиц. В ней отмечено, что разные типы экономик показывают разные типы реакций. Стационарная экономика, динамика которой хорошо предсказуема, и нестационарная экономика, имеющая резкие и менее предсказуемые флуктуации, будут иметь неодинаковые функциональные характеристики, а значит, их совмещение требует дополнительной работы с риск-профилями [Лившиц, Лившиц, 2015. С. 79–84].

На неоднородность социально-экономического пространства и соответствующую асимметричность информации, доступной для экономических агентов и используемой ими при принятии решений, объективных различий качества и количественных пропорций применяемых факторов производства, продуктивности

и доходов обращал внимание академик П. А. Минакир. Он доказывал, что «все это приводит к одновременному функционированию в пространственных системах доминирующих (ведущих) и подчиненных (ведомых) экономических агентов» [Минакир, 2019. С. 974].

Различную инерционность происходящих процессов как фактор возникновения институциональной асимметрии выделяют специалисты Института народнохозяйственного прогнозирования РАН: «Пространственные пропорции экономики отличаются высокой степенью инерционности, поэтому ключевые тренды будут сохранять свое влияние на региональную динамику в долгосрочной перспективе. Вместе с тем, в современных условиях сложился ряд новых факторов, которые могут оказать существенное влияние на развитие отдельных регионов и формирование региональных пропорций в целом» [Россия 2035..., 2025].

Все эти факторы, как и другие риск-образующие асимметрии, вызывают необходимость ускоренной модернизации локальной комбинаторики. «Мумифицированные» стратегии для регионов

становятся, скорее отражением реалий прошедших периодов развития. Именно гибкие дилеммы региональных стратегий являются формой реакции экономической системы на появление неопределенностей в процессах территориального развития. Активизация такого процесса способна повысить оперативные возможности национального индикативного планирования и реакции на него регионального развития.

Заключение

Современные позиции, которые реализуются в подготовке новой редакции Стратегии развития Дальнего Востока до 2030 г. с прогнозом до 2036 г., можно рассматривать как новый проект для развития региональной науки и практики. Включение в нее новых сегментов перспективных исследований и институциональных технологий позволяет значительно усилить требования к дифференциации региональных решений, более полному отражению условий территориального развития, формированию стратегической конструкции, адекватной происходящим сдвигам в экономическом и социальном процессах.

Список источников:

1. Алаев, Э. Б. Региональное планирование в развивающихся странах. М. Наука 1973. 216 с.
2. Бакланов, П. Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. М.: Наука 2007 239 с. ISBN: 978-5-02-034115-9 EDN: QSDRBT
3. Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики. М.: ВШЭ. 2000 495 с.
4. Джеймс, П., Мартин, Дж. Все возможные миры. М.: Прогресс. 1988. 672 с.
5. Исаев, А. Г. Экономический рост российских регионов: экзогенные и эндогенные источники. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 2022. 208 с. ISBN: 978-5-906118-63-9 EDN: НОКDMI
6. Караганов, С. А., Козылов, И. С. Восточный поворот 2.0, или «Сибиризация» России // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 1. С. 221–229. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-1-221-229 EDN: FXGAOO
7. Карпов, Л. Н. Новые районы в экономике развитых капиталистических стран. М.: Мысль 1972. 304 с.
8. Кибалов, Е. Б., Шибикин, Д. Д. К вопросу развития российской железнодорожной сети на Восточном полигоне // ЭКО. 2024. № 1 (595). С. 233–245. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2024-1-233-245 EDN: NLNTBO
9. Колосовский, Н. Н. Основы экономического районирования. М.: Госполитиздат. 1958. 199 с. EDN: VPDVTP
10. Крюков, В. А., Коломак, Е. А. Пространственный маневр на восток: факты, барьеры, решения // Научные труды вольного экономического общества России. Том 252. № 2. М.: 2025. С. 30–50. DOI: 10.38197/2072-2060-2025-252-2-30-50 EDN: CGSVGI

11. Лившиц, В. Н., Лившиц, С. В. Макроэкономические теории, реальные инвестиции и государственная российская экономическая политика. М.: ЛЕНАНД. 2015. 248 с.
12. Мельникова, Л. В. «Ядро-периферия» и периферийность в региональной науке // *Пространственная экономика*. 2024. Т. 20. № 1. С. 144–162. DOI: 10.14530/se.2024.1.144-162 EDN: OVKJQD
13. Минакир, П. А. Российское экономическое пространство. Стратегические типы // *Экономика региона*. 2019. Т. 15. Вып. 4. С. 967–980. DOI: 10.17059/2019-4-1 EDN: YPKOUK
14. Минакир, П. А., Демьяненко, А. Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 2014. 272 с. ISBN: 978-5-906118-09-7 EDN: UBEVHV
15. Моргачев, В. Н. Формы и методы территориального управления в США и Канаде. М.: Наука, 1987. 144 с.
16. Петраков, Н. Я., Ротарь, В. И. Фактор неопределенности и управление экономическими системами. М.: Наука. 1985. 192 с.
17. Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики. М.: Экономика. 1999. 792 с.
18. Рабо, У. Государство, экономика и теоретизация пространства: концепт «экономической конституции» В кн. Концепция «экономической конституции»: современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2008. 136 с.
19. Региональные исследования за рубежом. М.: Наука. 1972. 304 с.
20. Региональные проблемы развитых капиталистических стран: возможности практического использования зарубежного опыта, М. Институт географии АН СССР 1987. 204 с.
21. Рензин, О. М. Системные трансформации в регионах и институциональные риски // *Власть и управление на Востоке России*. № 4 (109). 2024. С. 51–60. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-109-4-51-60 EDN: VRMHFLF
22. Россия 2035: пространство развития. М.: Динамик принт. 2025, 364 с.
23. Рывкина, Р. Переходное экономическое сознание в российском обществе // *Вопросы экономики*. 1997. № 5. С. 71–83.
24. Социально-экономические риски: диагностика причин и прогнозные сценарии нейтрализации. Екатеринбург: ИЭ УРО РАН. 2010. 1200 с.
25. Стратегия-2020 Новая модель роста – новая социальная политика. М.: Издательский дом «Дело». 2013 Книга 2. 408 с.
26. Федерализм и региональная политика: проблемы России и зарубежный опыт. Новосибирск: ИЭиОПП. 1995. Вып. 1 (204 с.). Вып. 2. (212 с.).

References:

1. Alaev, E. B. (1973) *Regional planning in developing countries*. М.: Nauka. 216 p. (in Russ.).
2. Baklanov, P. Ya. (2007) *Territorial structures of the economy in regional management*. Moscow: Nauka, 239 p. ISBN: 978-5-02-034115-9 EDN: QSDRBT (in Russ.).
3. Granberg, A. G. (2000) *Fundamentals of regional economics*. Moscow: HSE, 495 p. (in Russ.).
4. James, P., Martin, J. (1988) *All possible worlds*. Moscow: Progress, 672 p.
5. Isaev, A. G. (2022) *Economic growth of Russian regions: exogenous and endogenous sources*. Khabarovsk: IEI FEB RAS, 208 p. ISBN: 978-5-906118-63-9 EDN: HOKDMI (in Russ.).
6. Karaganov, S. A., Kozylov, I. S. (2025) The Eastern Turn 2.0, or the «Sibirization» of Russia. *Russia in global politics*, vol. 23, no. 1, pp. 221–229. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-1-221-229 EDN: FXGAOO (in Russ.).
7. Karpov, L. N. (1972) *New areas in the economy of developed capitalist countries*. Moscow: Mysl, 304 p. (in Russ.).
8. Kibalov, E. B., Shibikin, D. D. (2024) On the development of the Russian railway network at the Eastern polygon. *ECO*, no. 1 (595), pp. 233–245. DOI: 10.30680/ECO0131-

7652-2024-1-233-245 EDN: NLNTBO (in Russ.).

9. Kolosovsky, N. N. (1958) Fundamentals of economic zoning. Moscow : Gospolitizdat, 199 p. EDN: VPDVTP (in Russ.).

10. Kryukov, V. A., Kolomak, E. A. (2025) Spatial maneuver to the east: facts, barriers, solutions. *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*, vol. 252, no. 2, pp. 30–50. DOI: 10.38197/2072-2060-2025-252-2-30-50 EDN: CGSVGI (in Russ.).

11. Livshits, V. N., Livshits, S. V. (2015) Macroeconomic theories, real investments and state Russian economic policy. Moscow: LENAND, 248 p. (in Russ.).

12. Melnikova, L. V. (2024) “Core-periphery” and peripherality in regional science. *Spatial economics*, vol. 20, no. 1, pp. 144–162. DOI: 10.14530/se.2024.1.144-162 EDN: OVKJQD (in Russ.).

13. Minakir, P. A. (2019) The Russian Economic Space. Strategic dead ends. *The economy of the region*, vol. 15, is. 4, pp. 967–980. DOI: 10.17059/2019-4-1 EDN: YPKOUK (in Russ.).

14. Minakir, P. A., Demyanenko, A. N. (2014) Essays on spatial economics. Khabarovsk: IEI FEB RAS, 272 p. ISBN: 978-5-906118-09-7 EDN: UBEVHV (in Russ.).

15. Morgachev, V. N. (1987) Forms and methods of territorial administration in the USA and Canada. Moscow: Nauka, 144 p. (in Russ.).

16. Petrakov, N. Ya., Rotar, V. I. (1985) Uncertainty factor and management of economic systems. Moscow: Nauka, 192 p. (in Russ.).

17. The way to the 21st century. Strategic problems and prospects of the Russian economy. Moscow: Ekonomika. 1999. 792 p. (in Russ.).

18. Rabo, U. (2008) The state, economics and the theorization of space: the concept of the “economic constitution” In the book. The concept of the “economic constitution: modern research. Moscow: INION RAS, 136 p. (in Russ.).

19. Regional studies abroad. Moscow: Nauka. 1972. 304 p. (in Russ.).

20. Regional problems of developed capitalist countries: the possibilities of practical use of foreign experience, M. Institute of Geography of the USSR Academy of Sciences, 1987. 204 p. (in Russ.).

21. Renzin, O. M. (2024) Systemic transformations in the regions and institutional risks. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4 (109), pp. 51–60. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-109-4-51-60 EDN: VRMHLF (in Russ.).

22. Russia 2035: the space of development. Moscow: Dynamik print, 2025, 364 p. (in Russ.).

23. Ryvkina, R. (1997) Transitional economic consciousness in Russian society. *Economic issues*, no. 5, pp. 71–83 (in Russ.).

24. Socio-economic risks: diagnosis of causes and forecast scenarios of neutralization. Yekaterinburg: IE URO RAS. 2010. 1200 p. (in Russ.).

25. Strategy 2020 A new growth model – a new social policy. Moscow: Delo Publishing House. 2013 Book 2. 408 p. (in Russ.).

26. Federalism and regional policy: problems of Russia and foreign experience. Novosibirsk: IEeOPP. 1995. Issue 1 (204 p.). Issue 2. (212 p.) (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.12.2025; одобрена после рецензирования 22.12.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was submitted 12.12.2025; approved after reviewing 22.12.2025; accepted for publication 23.12.2025.

Информация об авторе

О. М. Рензин – кандидат экономических наук, советник директора, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН.

Information about the author

O. M. Renzin – Candidate of Economics, advisor of the head, the Economic Research Institute FEB RAS.